

II

Литературная жизнь**(Общество ревнителей художественного слова)**

В заседании 29-го Октября (председатель — Вяч. И. Иванов), Общество Ревнителей Художественного Слова слушало доклад Владимира Пяста «О каноне»¹, зародившийся как отзвук известного доклада Вячеслава Иванова «Заветы Символизма» («Аполлон», 1910, июнь) и последовавшей в широкой печати полемики². Начав с остроумного разбора мысли Виллье де Лилль-Адан о взаимоотношении славы Мильтона, которого никто не читает, и известности Скриба³, которого знают все (истинная слава равна произведению значительности данного писателя для воспринимающего на влияние этого последнего. Милтон потому больше Скриба, что он больше значит для Виллье де Лилль-Адана, чем Скриб для среднего обывателя; а де Лилль-Адан сам значительнее, чем этот обыватель). Исходя отсюда, докладчик в красивых образах показал, что внутренняя значительность творчества, как плод его каноничности, тождественна с художественным подвигом творящего; подвиг этот самобытен: подражать можно только уклонениям от канона; подобно слову «бог», имя творящего, предопределенное для каждого, может быть им самим написано с большой или маленькой буквы, и только в этом его свобода. Ценное толкование своего учения дал по поводу этого доклада Вячеслав Иванов. Внутренний канон опирается прежде всего на требование внутренней простоты и единства в творчестве, требование, которое высказал еще Гораций⁴. Символизм эволюировал от множественной формулы Mallarmé к высшей *synthesis* *tex correspondances*, которые Бодлер положил в основу восприятия⁵. Внутреннее единство творчества сверхлично, поэтому внутренний канон требует победы над личностью, жертвы своим лицом, которая придает творчеству *grandstyle*^{<?>}. Этим достижением Пушкин выше великого Тютчева.

Победа над личностью, как конечное увенчание в развитии ее, предполагает высшую унификацию и укрепление духа: но таково же и значение религии.

Таким образом, поэзия и религия фактически совпадают в последних выводах своих; здесь нет и речи о том, чтобы тенденциозно подчинять первую второй, как полагает Брюсов, или вторую первой, как думает Мережковский (обвинения их в полемике

против Вячеслава Иванова)⁶. Требование чистой поэзии, независимой от чего бы то ни было вне ее лежащего, находит, по мнению Вяч. Иванова, частичный противовес в том обстоятельстве, что вся трагедия зиждется на представлении о трагической вине, лежащей, очевидно, вне самой поэзии.

К оценке этого спора я позволю себе привести мнение, тогда же мною высказанное. Спор о взаимоотношении поэзии и религии, быть может, сводится к чисто формальным разграничениям.

Если трагическая вина предполагается лежащей вне трагедии, как вида поэзии, то не таково ли же положение «чувства» по отношению к лирике? Между тем, «чувство» мыслится, как нечто тождественное с поэзией лирики. Тождественна и религия с поэзией Псалмопевца и Данте, которых, вероятно, не отрицает и Валерий Брюсов. Весь вопрос сводится, следовательно, к такому широкому построению поэзии, чтобы предполагаемое вне ее (религия или что либо другое) отождествилось с ней. И в высочайшем построении своем поэзия окажется подлинным, исчерпывающим и всеобъемлющим содержанием Абсолютного Сознания... Поэзия — жизнь Божества.

В дальнейших прениях Вас. В. Гиппиус⁷ высказался о логически необходимом совпадении теургии творчества с теургией жизни, вдохновения и *лично*го подвига, расходясь с Владимиром Пястом, имеющим в виду лишь подвиг эстетический.

Заседание 12-го Ноября (председатель — Ф. Ф. Зелинский)⁸ посвящено было обсуждению неизданных стихотворений, которые читали присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Зенкевич, Вас. Гиппиус, Вир).

Заседание 3-го Декабря⁹ в первой части своей посвящено было памяти Иннокентия Анненского, бывшего члена Совета Об — ва, по случаю исполнившейся 30-го Ноября годовщины смерти его. Председатель, Вячеслав Иванов, выявив особенности Анненского, как «критика отражений», указал на глубокую связь его с исконными преданиями русской словесности и особенно с Достоевским¹⁰. Н. С. Гумилев и О. Мандельштам высказывались о значении поэта для современной лирики. Последний определил Анненского «как поэта *отливов* дионисийского чувства».

После перерыва Вячеслав Иванов докладом по «Морфологии стиха» ввел присутствовавших в совершенно не обследованные области философии формального творчества. Разъяснив утверждение Новалиса, что силою высшего поэтического воздействия

обладают «переходы и разнородные смешения»¹¹ (Uebergänge und heterogene Mischungen), докладчик показал, что всякое совершенное лирическое произведение, подобно произведению музыкальному, формально представляет *соединение тем*.

Соединение это дает диаду или триаду. Первая, как неразрешенное сопоставление, имеет волнующее, вторая, — разрешение дающая, — успокоительное, hesychast'ическое¹².

Здесь то противоположение, которое со времени Ницше определяется именами Диониса и Аполлона.

Типичные диады встречаются особенно у Тютчева; образец простой триады — Гетевско-Лермонтовское «Горные вершины», первые, описательные строки которого поэтически ничтожны, пока не воспринята antithesis: «Подожди немного» и synthesis: «Отдохнешь и ты». Вопрос о том, возможно ли множественность тем в лирике, на подобие модернистской музыки, остается пока, по мнению докладчика, открытым.

III

«Труды и Дни»

<...>

Брат мой, иначе славящий общего бога, страшнее врага. Враг мой отнимет у меня только жизнь, брат мой отнимет только веру.

Так думалось при чтении первого выпуска нового повременного издания — «Трудов и Дней». Вячеслав Иванов, Александр Блок, Андрей Белый, «Мусагет», — ведь это все наши, родные, которых мы любим давно и глубоко: они не зовут ли нас к новому служению? Отдельные статьи этой книжки хороши и даже прекрасны: во многом чувствовал я подлинное прозрение той правды, которой живу; но инославно, быть может, общее их устремление к тому же божеству.

Всякий повременник стремится повлиять на тех, кто избрал его, кто пошел к нему, не частностями, а всем обликом своим.

В основу «Трудов и Дней» положено *внутреннее единение* поэзии, искусства с религиозной философией. Внешнее разделение издания на две части так и остается внешним приемом. Первая часть, посвященная теоретической разработке символизма, получает особое освещение от второй, философской: и это будет